Глава 18. Начало холодной войны

Несмотря на то что сейчас была не его сцена, Ли Сычэнь во все глаза наблюдал за парой в центре площадки. Он редко смотрел на чужую игру глазами профессионала, стараясь подметить приёмы мастеров, но тут случай был особый: Лю Шаньчэнь играл его персонажа, только повзрослевшего. Изначально Сычэнь даже не мог до конца прочувствовать этот образ, не понимая, как его герой придёт к такому будущему.

В отличие от недавнего образа опустившегося Карла, нынешний Лэнс выглядел пугающе. Одетый в алое одеяние, с коротко стриженными волосами, растрёпанными ветром, он казался воплощением первобытной, необузданной ярости. Тяжёлая, гнетущая аура Лэнса ощущалась даже на расстоянии — стоило попасть под прицел его красных глаз, и последствия обещали быть фатальными.

— Ты собираешься пролить кровь? — негромко спросил Лю Шаньчэнь.

С того самого дня в детстве они стали неразлучны, и всё же Шаньчэнь оставался верен себе: его лицо, как и прежде, не выражало ни единой эмоции.

Лэнс посмотрел на него и странно, пугающе усмехнулся, а в кроваво-красных глазах словно заплясали сполохи адского пламени.

— Я лишь возвращаю то, что принадлежит мне по праву. И на этот раз даже тебе меня не остановить.

— Что ж, иди, — ответил Лю Шаньчэнь.

Бросив эту короткую фразу, он развернулся и ушёл. В воздухе остался лишь его едва слышный, печальный вздох.

Лэнс, казалось, был ошарашен такой реакцией. Он замер, не зная, как поступить, и лишь спустя долгое время пришёл в себя. Развернувшись, он растворился в небе — тот был вампиром, существом, наделённым силой, недоступной простым смертным. В том числе и силой этого алого, пронзительного взгляда.

— Снято! — крикнул режиссёр. — Реквизиторы, спускайте Лэнса.

Бенсон не планировал делать второй дубль, его всё устроило с первого раза. Только Лэнс, как только его освободили от тросов, принялся ворчать, что это сущая пытка и если бы у него был выбор, он бы ни за что не согласился на роль с такими полётами.

Ли Сычэнь же сидел, словно заворожённый. Всего пара реплик, никакого открытого столкновения, но он ясно видел невидимые искры, летевшие между актёрами. Каждое

движение, каждый взгляд в этой сцене были наполнены скрытым смыслом, делая этот простой эпизод невероятно глубоким. Даже стоя здесь, на съёмочной площадке, Сычэнь чувствовал, будто заглянул в другой мир.

И Лю Шаньчэнь… Хотя их роли пересекались, было отчётливо видно, насколько разными личностями стали их герои под гнётом обстоятельств.

Когда Лю Шаньчэнь опустился в кресло рядом с ним, Сычэнь всё ещё пребывал в оцепенении. Он прокручивал сцену в голове снова и снова, чувствуя, что упустил какую-то важную деталь. Вдруг его осенило.

— Брат Шаньчэнь! — Сычэнь в возбуждении схватил его за рукав. — Я видел! Ваша правая рука… Она то и дело непроизвольно тянулась к груди! Это же…

Один этот крошечный жест связал двух исполнителей в единое целое. Теперь даже самый далёкий от искусства зритель поймёт: перед ним один и тот же человек. Несмотря на смену актёров, не было ни капли фальши — всё из-за этой маленькой, почти незаметной детали.

— Ты неплохо справился, — спокойно ответил Лю Шаньчэнь, — однако между версиями персонажа всегда должны быть точки соприкосновения. Иначе зритель перестанет воспринимать героя как личность, и целостность картины будет разрушена.

Шаньчэнь говорил своим обычным бесстрастным тоном, но по сравнению с тем, как он общался с Лэнсом, это можно было считать проявлением высшей степени благосклонности.

— Невероятно… — прошептал Ли Сычэнь.

Он снова узнал нечто такое, о чём даже не догадывался, когда перебивался ролями в массовке. Лю Шаньчэнь, возможно, и не был прирождённым учителем, но Сычэню он объяснял всё предельно доходчиво.

— Брат Шаньчэнь, спасибо тебе. Я обязательно буду стараться изо всех сил! — Сычэнь сжал кулаки, давая себе молчаливую клятву.

— Не стоит, — Лю Шаньчэнь отхлебнул воды из стакана. — Просто играй самого себя. Если ты начнёшь фальшивить, подстраиваясь под меня, я не смогу продолжать.

Эти слова ударили по самолюбию Сычэня не хуже, чем тогда, на прослушивании, когда Шаньчэнь прямо указал на его ошибки. Мальчик опустил голову. Он понимал: ему не хватает мастерства.

— Я понял, брат Шаньчэнь. Я буду играть… буду собой.

— Слушай, Великий бог Лю, ну нельзя же так, — вступилась за мальчика Цзинь Я. — Маленький Карлос только что отлично отыграл, а ты набросился на него с критикой. Ему же обидно!

За то короткое время, что они провели на студии, Цзинь Я привязалась к Сычэню и теперь не побоялась высказать всё нанимателю. Конечно, она знала, что Лю Шаньчэнь не из тех, кто копит обиды.

Шаньчэнь перевёл взгляд с помощницы на Сычэня и негромко произнёс:

— Я говорю правду. Если он не способен выдержать такой удар, ему нечего делать в шоу-бизнесе. Карлос, ты должен понимать: ты получил эту роль не потому, что ты гениальный актёр. На прослушивании были ребята куда способнее тебя. Твой единственный козырь — восточная внешность. В этом фильме как раз требовался азиат на эпизодическую роль.

Сычэнь и сам не раз думал об этом, но услышать такое от Лю Шаньчэня было больно. Он помрачнел. Однако мгновение спустя он вскинул голову и прямо посмотрел на Шаньчэня.

— И что с того? Каждые пробы — это битва преимуществ. Раньше мои конкуренты побеждали, потому что у них была западная внешность, а в этот раз всё вышло наоборот. Раз я получил роль благодаря своему козырю, значит, половина дела сделана. И дальше я не отступлю.

Обычно Сычэнь казался тихим и безобидным, но сейчас в нём проснулась стальная воля. Это заставило Лю Шаньчэня взглянуть на него иначе.

— Надеюсь, ты сдержишь слово, — в голосе Шаньчэня промелькнула тень одобрения, которую он и сам вряд ли заметил.

— Разумеется. Если я сказал — я сделаю, — Сычэнь не отвёл взгляда. — И однажды я добьюсь того, что восточная внешность станет в Голливуде предметом культа. Я стану сильнее тебя.

Впервые, кроме как перед Мишель, он озвучил свою цель. Это не было мальчишеской бравадой — это были слова мужчины, обретшего опору.

— Я буду ждать.

Лю Шаньчэнь откинулся на спинку шезлонга и закрыл глаза, давая понять, что разговор окончен. Сычэнь не стал навязываться.

В последующие дни он работал как одержимый. С каждым часом он всё глубже понимал своего героя, и количество дублей из-за его ошибок свелось к минимуму. Порой его актёрское чутьё оказывалось даже острее, чем у Карла.

Каждую ночь, возвращаясь в номер, Ли Сычэнь часами смотрел фильмы и сериалы. Его интересовал не сюжет — он препарировал игру актёров. Постепенно он научился замечать даже малейшие огрехи мастеров сцены и давал себе зарок не повторять их. Его техника становилась всё чище и точнее. Пусть он ещё не сравнялся с «зубрами» кино, он уже был бесконечно далек от того робкого новичка, каким пришёл на студию.

Однажды вечером Лю Шаньчэнь и Цзинь Я проходили мимо комнаты Сычэня. Сквозь щель в двери был виден мерцающий экран телевизора.

— Великий бог Лю, может, ты всё-таки перегнул палку? — с тревогой спросила Цзинь Я. — Десять дней прошло. Вне кадра он не сказал тебе ни слова. Даже от праздничного ужина, который я приготовила, отказался. Он же ребёнок, к нему нужен другой подход.

— Ему тринадцать.

— И в тринадцать он всё ещё ребёнок! У нас в Китае в этом возрасте только в первый класс средней школы идут, а он пашет на съёмках, деньги зарабатывает. Он и так взрослее всех сверстников.

— А чем ты занималась в тринадцать?

— Я… работала, чтобы прокормить семью, — запнулась Цзинь Я. — Но именно поэтому я не хочу, чтобы другой ребёнок проходил через то же самое.

— Я в тринадцать уже вёл собственные проекты. Цзинь Я, не недооценивай его. В его душе тайн больше, чем в нас обоих вместе взятых. В нашей индустрии излишняя мягкость — плохой союзник.

Шаньчэнь впервые так подробно объяснял свои мотивы.

— Да как это возможно? Он же совсем чистый мальчик, не похож он на того, кто пережил трагедию, — прошептала Цзинь Я. Шаньчэнь лишь молча кивнул.

Помощница заглянула в щёлку. Сычэнь сидел на полу, обхватив колени и привалившись спиной к кровати. Он смотрел в экран немигающим, застывшим взглядом. Он даже не заметил людей у двери. Глядя на эту картину, Цзинь Я начала верить словам босса, хотя сердце всё ещё отказывалось принимать правду.

— Может, он просто слишком увлечён искусством? — с надеждой предположила она.

— Там, на экране, можно увидеть сотни жизней… И он — не исключение. Не мешай ему. Рано или поздно он поймёт себя. В плане актёрского дара он наделён куда щедрее, чем я.

Лю Шаньчэнь бросил последний взгляд на застывшую фигурку мальчика и развернулся к своей комнате. Цзинь Я ещё мгновение смотрела на Сычэня, поражённая признанием Шаньчэня.

— Талант выше, чем у Великого бога Лю… Какую же дорогу ты выберешь в итоге?

Прошептав это, она ушла. Как только её шаги стихли, Ли Сычэнь наконец отвёл взгляд от экрана и посмотрел на дверь. Но там уже никого не было.

http://bllate.org/book/17536/1704855